

ХОРОШИЙ СТАЛИН

ЧТО ЗНАЛ
ЛИЧНЫЙ
ПЕРЕВОДЧИК
СТАЛИНА?

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ

РИПОД
КЛАССИК

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е78

Ерофеев, В. В.
Е78   Хороший Сталин / В. В. Ерофеев. — М. : РИПОЛ
классик. — 430 с.

ISBN 978-5-519-63770-1

Для кого был Сталин хорошим? Он умел взбивать подушки для своих подчиненных, когда они гостили у него на даче. Он простил чиновника, который, подвыпив, случайно залез в его письменный стол и с ужасом увидел сталинские трубки... Об этом и о многом другом из интимной жизни вождя народов мне поведал мой отец Владимир Иванович Ерофеев, многолетний личный переводчик Сталина с французского языка, политический помощник Молотова. Но отец рассказал мне и о том, почему он не плакал, когда умер Сталин, хотя Сталин, по-моему, очень тепло относился к своему молодому сотруднику. Магический тоталитаризм Сталина – вот предмет этой книги, которая переведена на 40 языков мира и стала бестселлером в Иране и в Германии, в Китае и Финляндии.

Ну, и конечно, эта книга о моих драматических отношениях с отцом, который из-за моего участия в альманахе «Метрополь» был уволен с поста Посла СССР в Вене. Простил ли он меня когда-нибудь за это? Я бы мог назвать эту книгу «Отцы и Дети», но меня опередил сами знаете кто.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-519-63770-1

© Ерофеев В.В., 2017
© Издание, оформление.
ООО Группа компаний
«РИПОЛ классик», 2017

Правда власти не принадлежит сочувствию. Она — за убийцами... Русская власть — грубая, блевотная, состоящая из мужских анекдотов, мата, бифштекса из сырого мяса, забывчивости, мутной головы, долгосрочного пьянства, садизма, луковой отрыжки, безнаказанности, унижения всех подряд, — вызывает во мне брезгливость, отвращение. Привлеки они меня к себе с их циничной фамильярностью, я бы на следующий день побежал всем рассказывать, какое они говно. Но если бы власть задалась целью купить меня, я бы попал в сложное положение. Мне нравится думать о том, как красноармейцы насильовали и убивали молодых дворянок. Лежу — представляю. Я — виртуальный мучитель, в реальности ненавидящий насилие, не переносящий даже товарищеского «тыканья» всякой сволочи... Писательская слава — тень власти. Но иногда так хочется выйти из тени.

A MON PÈRE 1

В конце концов я убил своего отца. Одинокая золотая стрелка на синем циферблате башни Московского университета на Ленинских горах показывала минус сорок по Цельсию. Машины не заводились. Птицы боялись летать. Город застыл, как студень с людской начинкой. Утром, посмотрев на себя в ванной в овальное зеркало, я обнаружил, что волосы у меня на висках поседели за одну ночь. Мне шел тридцать второй год. Это был самый холодный январь в моей жизни.

Правда, отец до сих пор жив и даже по выходным до недавнего времени играл в теннис. Теперь, хотя и сильно постарев, он все еще сам косит траву электрокосилкой на дачной лужайке между кустов гортензий и роз, среди кущ с детства любимого им крыжовника. Он по-прежнему водит машину, упрямо не надевая очки, чем приводит маму в отчаяние, а пешеходов — в ужас. Уединившись на втором этаже в своем дачном кабинете, в окна которого скребутся ветви высокого дуба, он долго, медлительно, потирая волевым подбородок, что-то печатает на пишущей ма-

шинке (может быть, пишет книгу воспоминаний?), но все это, уже подробности. Я совершил не физическое, а политическое убийство — по законам моей страны это была настоящая смерть.

Можно ли считать родителей за людей? Я всегда в этом сомневался. Родители — непроявленные негативы. Из всех, кого мы встречаем в жизни, хуже всего мы знаем своих родителей, и именно потому, что мы их не встречаем, инициатива изначально захвачена «предками»: это они встречают нас. Пуповина не перерезана — мы состоим из них ровно настолько, насколько их невозможно понять. Коллапс знания обеспечен. Остальное — домыслы. Мы боимся увидеть их тело и заглянуть им в душу. Они так и не превращаются для нас в людей, оставаясь навсегда чередой впечатлений, не знающих своего начала, неустойчивыми чучелами-миражами.

Это — неприкосновенные существа. Наши суждения о них беспомощны, высосаны из пальца, построены на предвзятости, неизжитых детских страхах, борьбе совершенства с реальностью, оправдании неоправдаемого. Но и родители беспомощны перед нашей оценкой. Наша взаимная с ними любовь принадлежит не им и не нам, а инстинкту, заблудившемуся как в лоне матери, так и в лоне цивилизации. В этом инстинкте мы энергично ищем светлое человеческое начало, и мы не можем не мстить инстинкту за его слепоту своими глубокомысленными спекуляциями.

Любовь под названием «отцы и дети» не имеет общего знаменателя благодарности, полна бесконечных обид и недоразумений, из которых родится горечь запоздалого сожаления.

Родители — буфер между нами и смертью. Как и великие художники, они не имеют права на возраст; наш неизбежный бунт против них столь же биологически безупречен, сколь и морально мерзок. Родители — самое интимное, что у нас есть. Но когда семейная интимность расширяется до масштабов международного скандала, который ставит семью на порог выживания, как это случилось в моем доме, невольно начинаешь думать, вспоминать и анализировать. Я только сейчас наконец решился написать об этом книгу.

АНОНИМКА

Министру иностранных дел
СССР, тов. А. А. ГРОМЫКО

Копия: АВСТРИЯ. ВЕНА. Пред-
ставительство СССР при ООН. Пос-
лу В. И. ЕРОФЕЕВУ

Авиаписьмо, на конверте — три
летчика (летчицы в шлемах), Герои
Советского Союза: П. Осипенко,
В. Гризодубова, М. Раскова. 40 лет
беспосадочного перелета Москва —
Дальний Восток. Почтовый штем-
пель: 31-1791840 (отправлено 31 ян-
варя 1979 года в 18. 40), Москва,
Почтамт, 9 цех.

Вторая копия (мне): МОСКВА.
Ул. Горького — 27/29, кв. 30. В. Еро-
фееву

Авиаписьмо, на конверте —
байкальский тюлень. Из серии:
«Современная фауна СССР». Почто-
вый штемпель: 31-1791840, Москва,
Почтамт, 9 цех.

Обратный адрес и фамилия,
указанные на конверте, подложны.
Орфография и пунктуация аноним-
ного автора оставлены без изме-
нений.

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ МИНИСТР!

Думается, что из локального скандала, иду-
щего сейчас в литературных сферах, обязаны сде-
лать выводы и некоторые другие институты,
имеющие отношение к борьбе двух социальных
систем. В частности, МИД.

Подумать только: в семье глубоко «нашего» дипломата, имеющего безупречную идейную репутацию, вырос подлинный подонок, который пишет непотребные сексуально-патологические рассказы, а теперь выступил в качестве составителя и одного из авторов подпольного альманаха, имеющего явную антисоветскую направленность. А рассказ Виктора Ерофеева, действие которого разворачивается в общественной уборной, под которой следует-де понимать наше общество, и вообще прецедент небывалый!

<... > И пока в литературных кругах идет разбирательство, каким образом молодой человек, не имеющий ни одной собственной книги, попал в члены Союза советских писателей, не следует ли подумать о том, что странных своих идей он нахватался за рубежом, где находился и теперь оказывается часто вследствие служебного положения своих родителей? Не думаем, чтобы он был напрямую завербован, но одно почти несомненно: вражеская идеология прямым путем запала в его голову!

<... > Идет сейчас много разговоров о том, что родительские связи помогут этому классовому отщепенцу выпутаться из истории, в которой он пока ведет себя предельно нагло и без намеков на какое-либо раскаяние. Было бы очень прискорбно, если бы высокий авторитет родителей спустил бы это политическое дело, близкое к сепетированной диверсии, как говорится, на тормозах. Наоборот, представляется крайне важным на примере этого прискорбного дела провести вос-

питательную акцию и в пределах самого МИД, дабы все другие задумались, к каким последствиям может привести родительская либеральность и отсутствие всесторонней бдительности к вопросам... (Вторая страница письма в обеих копиях отсутствует.)

Может быть, я — самый свободный человек в России. В сущности, это незначительное достижение, особой конкуренции в этой области не наблюдается. Все соревнуются в других измерениях. Что делать со своей свободой, я не знаю, но она мне дана как ясновидение. Как-то так получилось, что я оказался вне всяких чинов, регалий, конфессий и премий. Я считаю, что мне повезло. У меня нет ни начальников, ни подчиненных. Я не завишу ни от пизды, ни от Красной Армии. На критиков, моду, фанатов мне насрать. Быть самым свободным человеком в самой смешной стране на свете до безобразия весело. В других странах живут серьезные люди, несущие бремя ответственности, как полные ведра воды, а у нас — смешные, непереволимые на иностранные языки мужики, бабы, милиционеры, интеллигенты, колхозники, зэки, придурки, начальники и прочие отморозки. Смешным людям свобода не нужна.

Какие только гениальные идеи ни приходили русским в голову — каждая гениально смешна. Третий Рим создавали, отцов воскрешали, коммунизм строили. Во что только не верили! В царя,

белых ангелов, Европу, Америку, православие, НКВД, соборность, общину, революцию, червонец, национальную исключительность — во все и всех верили, кроме самих себя. Но самое смешное — звать русский народ к самопознанию, бить в набат, звонить в буддистский колокольчик:

— Вставайте, братья! Обнимемся! Выпьем!

Братья встанут и обязательно выпьют. Сядешь с интеллигенцией всю ночь напролет говорить о Боге, смерти, бабах, авторской песне, судьбе — вены вздуваются, концепции множатся. Горизонты распахиваются на четыре стороны: куришь с Байроном, играешь на бильярде с Че Геварой. Но утром проснулся — нет больше интеллигенции. Богема на выдохе. Тогда — в крупный бизнес, в телевизор, в политику, к олигархам, — сидишь глупеешь. Или с молодежью закатаешься на дискотеку: узнаешь в сортире о космических войнах добра со злом, этимологии японского мата, сорока четырех способах не поправиться топ-модели, мистических безднах Армагеддона; заодно этнические танцы потанцуешь.

Русские писатели тоже смешные люди. Одни смеются сквозь слезы, другие — просто так. В этой смешной стране они пекутся о нравственности. Но, как ацтеки, они кровожадны, склонны к человеческим жертвоприношениям. Они отрубают головы женщинам и врагам. Романы пропитаны темой смешных отцов и смешных детей. Не только Тургенев и Достоевский, но и Серебряный век в «Петербурге» Андрея Белого договорили эту тему до ритуального убийства. Революци-